

ЦЕЛЬНЫЙ ГИПЕРБОРЕЕЦ

Талант всегда загадочен в своем происхождении. Как это из деревенского паренька печорской Куи за Полярным кругом, из студеной Гипербореи у Ледовитого океана вышел известный на всю страну литературный критик, подписывающийся «Ал. Михайлов»? Непостижимо. Обычное, казалось бы, детство в семье крестьянина-рыбака. Начальная школа в своей же деревне. После четвертого класса произошел двухлетний перерыв в учебе. Отец в голодный 1933 год всей семьей с пятью детьми подался в поисках счастья на семужий промысел в Погорелку на берегу Баренцева моря. Теснились в бугре-полужемлянке, заносимой зимой на метр и более снегом. Весной, дабы выжить, пришлось отвезти вкус чаячьего мяса, отдававшего ворвань, а жестокое море едва не поглотило отца-кормильца. Переехали на рыбацкую факторию в Черную. Здесь для Саши нашелся второй том «Тихого Дона» с оборванным концом и был прочитан им залпом. Отец, видя тягу сына к книге, к учебе, уступил его просьбам. «Учись, — сказал, — если сможешь перебраться». «В тринадцать лет, — говорит Ал. Михайлов в «Северной тетради», — покинул я семью, чтобы начать погоню за жар-птицей...» Удалось поступить в среднюю школу Нарьян-Мара, что неподалеку от родной Куи. На жизнь зарабатывал статистом в местном драматическом театре, в школьном драмкружке играл роли, даже Чацкого. Напечатал несколько театральных рецензий в окружной газете «Нарьян Вындер». Вел дневник, заносил в него свои впечатления и размышления (писательство, как известно, иногда начинается с дневников). Выпускные школьные торжества отпраздновали 21 июня, 22-го, в воскресенье,

— война! 23-го юнцы всем классом пошли в военкомат с просьбой немедленно отправить на фронт. «Торопились, — с юмором замечает Ал. Михайлов, — а вдруг без нас управятся с фашистской армией и на нашу долю не хватит воинской славы». Саша Михайлов попал в Архангельское военное училище и в саперные войска — в те войска, которые при наступлении всегда впереди, а при отступлении — сзади. В бою под Кестеньгой-Лоухи на Карельском фронте получил первое тяжелое ранение, потом еще трижды был ранен, но дошел до Германии, до устья Одера, стал командиром саперной роты, старшим лейтенантом. Открывавшаяся перед ним военная карьера не влекла его. Демобилизовался. Вернулся в свою Гиперборею. Работая секретарем Ненецкого окружного комсомола, изъездил на оленях от чумы к чуме почти весь округ (ненецкие впечатления оставили несмываемый, благодатный след в его душе). Но опять тянуло на учебу. Поступил на желанный факультет русского языка и литературы Архангельского пединститута. После его окончания учительствовал в школе, занимался литературным трудом, стал заведомом культуры Архангельского обкома, главным редактором Архангельского книжного издательства. Затем окончил аспирантуру в Академии общественных наук в Москве, работал инструктором отдела культуры ЦК КПСС. Но номенклатурные должности тоже не влекли его. В 1965 году перевелся в

Литературный институт имени А.М. Горького, где обрел звание доктора филологических наук, профессора. 26 лет он отдал этому институту, не прерывая работу в нем, уже будучи главным редактором журнала «Литературная учеба», секретарем Союза писателей СССР, первым секретарем Московской писательской организации, вице-президентом Международной ассоциации литературных критиков (МАЛК) с 1969 года, то есть со дня ее основания, и до 1991 года. Последние годы Александр Михайлов трудился главным научным сотрудником Института мировой литературы. Он — автор тридцати книг и более семисот газетных и журнальных публикаций, в которых окинул своим критическим оком русскую поэзию почти всего XX века, начиная с Блока, Маяковского, Есенина, но сосредоточивался по преимуществу на поэзии шестидесятых — семидесятых годов. Не обошел он своим вниманием Твардовского, Лугового, Исаковского, Мартынова, Пастернака, Вознесенского, Евтушенко, Ваншенкина, Соколова, Рубцова, Орлова, Друнину и многих, многих других поэтов. Двухтомник избранных его произведений 1986 года, вобравший в себя отдельные главы из его книг «Ритмы времени», «Два ключа», «Тайны поэзии», предстает как бы итожащим его литературно-критическую деятельность. Естественно, что у него, как и у каждого литератора, не все публикации равнозначны. Да и сам он не из тех, кто себя переоценивает, шадит

себя в самооценке. Пусть новые социально-экономические условия, возникшие в стране, изменили взгляды на прошлое и настоящее русской поэзии, но для критика была, есть и останется не подверженная общественно-политическим ветрам КОНСТАНТА — это художественная сторона литературного произведения, которая требует его оценки. И Александр Михайлов дал этому квалифицированную оценку.

Теперь Александр Алексеевич пенсионер. Но он еще полон энергии и творческих замыслов, а его критическое перо не заржавело, не притупилось, остается острым. Это видно хотя бы по его отклику на поэму «Тринадцать» Евг. Евтушенко в статье «Двенадцать» или «Тринадцать» («Книжное обозрение», № 29, 16 июля 1996 г.).

Поразительно широк круг его литературных и житейских знакомств. Более четырех тысяч книг (!) с автографами и посвящениями ему отечественных и зарубежных литераторов подарил он библиотеке своей Альма Матер — Архангельского пединститута. Поразительна и его эрудиция. С ним всегда приятно и поучительно побеседовать. При недавней нашей встрече я заговорил об Эрве Базене, французском прижизненном классике, чей роман «Семья Резо» только что перечесть. И тут выяснилось, что Александр Алексеевич не только хорошо знает его творчество, а встречался с ним во Франции, и даже не единожды.

1 января 1997 года Александру Алексеевичу Михайлову исполняется 75 лет. Хочется пожелать ему, добропорядочному, цельному гиперборейцу, прежде всего здоровья и новых творческих удач-свершений.

Григорий КУЛИЖНИКОВ